

ПАВЕЛ В СВЕТЕ СОВРЕМЕННОЙ УЧЕНОСТИ

Когда мы переносимся с царской дороги в Листре на современные мировые автострады, остается лишь изумляться, насколько западная ученость изменила облик Павла. Изогранные заключения ученых объясняются отнюдь не открытием в наше время каких-то совершенно новых источников. Скорее, все упирается в те предположения, которые делают ученые. Тем не менее, многообразный спектр утверждений учит нас смотреть на личность Павла и на его учение целиком, во всей их полноте. Более детальный анализ ведет нас также к основаниям нашей веры.

Протестантские церкви традиционно подчеркивают Павлово учение об оправдании верою помимо дел Закона. Это привело к тому, что все остальные предположения стали ставиться под вопрос и даже истинность так называемых пастырских посланий Павла, к примеру, была подвергнута сомнению. **Фердинанд Христиан Бауэр** (1792-1860) пытался втиснуть Павла в ограниченные и однообразные рамки, принимая только его "полемические Послания" к Римлянам, Коринфянам и Галатам. Ему противостояли, в частности, известный профессор **Иоган Христиан Конрад фон Гофман** (ум. в 1877) из университета в Эрлангене и более умеренный консерватор **Б. Вайс**. Они полагали, что "пастырские послания" Павла к Тимофею и Титу были письмами пастора, поводом для написания которых послужила духовная ситуация в церквях, и поэтому в них не требовалось отражения вероучительных положений.

В ранние времена действительно полагали, что благочестивость зарождающейся церкви в Иерусалиме включала в себя соблюдение Закона в той же мере, в какой это имело место в иудаизме тех времен. Людям казалось странным то, что Павел не требовал подвергать обрезанию обращенных язычников. Подобным же образом он не обязывал их соблюдать особые предписания Моисеевы. В 1880-х годах произошло более обширное знакомство с источниками древней синагоги. В частности, **Ф. Вебер** начал использовать их, чтобы разъединить глубокой пропастью иудейский и христианский образы мышления. Так, иудейское мышление в карикатурном виде изображалось как нечто не соответствующее реальности. Это увеличило напряженность между Церковью и Синагогой.

Поворот к лучшему в этой области был привнесен позднее некоторыми иудейскими учеными, такими, например, как Ц. Ж. Монтефиоре и Х. Й. Шоэпс. В 1926 году Монтефиоре был избран президентом всемирного либерального иудейского движения. В комментариях к первым трем Евангелиям он выдвинул свою концепцию христианства и его корней. Вдобавок к этому он написал несколько исследовательских трудов, посвященных отношению Павла к раввинистической литературе.⁵ Монтефиоре утверждал, что учение Иисуса "представляет собой нечто большее и иное, нежели просто собрание наспех составленных вероучительных заявлений. Оно является не только суммой каких-то отдельных составляющих, но чем-то *цельным*, неким духовным началом. И это духовное начало (этот дух) имеет признаки гениальности". Впрочем, утверждения, содержащиеся в иудаизме, напоминают учение Иисуса, но даже если бы "кто-то собрал их в одну книгу, то и тогда он не смог бы создать труда, имеющего столь огромную значимость: этот труд не имел бы такой *целостности*, такого обаяния, такого духа, да и вся

5. "The Synoptic Gospels" (Синоптические Евангелия), London 1927, "Rabbinic Judaism and the Epistles of St. Paul" (Раввинистический иудаизм и послания св. Павла), JQR 13, стр. 161-217, "Judaism and St. Paul" (Иудаизм и св. Павел), London 1914.

его гениальность была бы утрачена". И он видел само *ядро* Евангелия в трех высказываниях Иисуса:

1. "Ибо и Сын Человеческий не для того пришел, чтобы Ему служили, но чтобы послужить и отдать душу Свою для искупления многих" (Мк. 10:45);
2. "Я пришел призвать не праведников, а грешников к покаянию" (Лк. 5:32);
3. "Ибо Сын Человеческий пришел взыскать и спасти погибшее" (Лк. 19:10).

"Этими словами о спасительной и ищущей любви Иисус выразил всю Свою личность". Примечательно, что либеральные научные круги обычно отрицают однородность учения Иисуса и особенно доктрины об искуплении. И как раз именно в этих особенностях иудейский ученый видит основу учения Иисуса.

Переходя к описанию Павла, Монтефиоре удивляется: как иудейский ученый муж мог создать столь *подлинное вероучительное единство*. Существовало модное утверждение, истинное лишь отчасти: "Если Иисус провозглашал Царство Божие, то Его последователи провозглашали Его Самого".⁶ Павла начинали рассматривать как истинного создателя христианства. В современном иврите существует построенная на игре слов поговорка, которая иллюстрирует данное утверждение: "Иисус создал секту внутри иудаизма (ивр. *кат*), а Павел превратил ее в религию (ивр. *дат*)". Нам нужно найти объективный ответ на эти утверждения.

Монтефиоре смог убедить ученых своего времени, что карикатурное изображение иудаизма, созданное Вебером и протестантскими догадками, является овершенно неверным и вводит людей в заблуждение. Материалы, на основании которых он строил свои выводы, были получены главным образом из раввинистических источников IV и V столетий. Из них он заключил, что иудеи вовсе не стремятся "заслужить" спасение своими добрыми делами. Они верят, что Бог

6. Сравните с Деян. 19:8; 20:25; 28:23 и 28:31.

милосерден к тем, кто раскаивается в своих грехах. Это не основывается на том, что делает человек и как он себя ведет. Павел, очевидно, ориентировал свою весть, главным образом, на иудеев-эллинистов, находящихся в рассеянии, поскольку они имели более законническое понимание веры.

Иудейский ученый Х. Й. Шэпс также отмечал что-то подобное. Избрание Израиля основывается исключительно на суверенной благодати Божией. Добрые дела, установленные Законом, имеют значение только для детей Завета. Эллинистический иудаизм отделил Тору, или Закон, от ее первоначального содержания. Иудейские ученые время от времени повторяют наполовину шуточную поговорку, что *Тора была дана только тем, кто ел манну небесную в пустыне*. И только они — люди, отведавшие манны — могут иметь отношение к шестистам тринадцати заповедям и запрещениям и всем их дополнительным истолкованиям, к *сэйяг ha-Tora*, то есть к "ограде Закона" в ее правильном виде. И тогда Закон соблюдается *бэ-хавана* (בכוונה), или сознательно, с глубоким проникновением в него и с благодарностью по отношению к Богу.

При исследовании богословия апостола Павла не следует отделять его от учения Иисуса. Эту истину понял единственный израильский ученый-исследователь личности Иисуса, получивший мировое признание, профессор Иосеф Клаузнер (1874-1958). Когда я встретил его ранней весной 1955 года, он говорил о происхождении своих книг. Первым его произведением была книга, написанная на иврите: *"Месссианская идея Израиля"*. На написание другого своего серьезного произведения, *"Иисус из Назарета"*, он потратил 15 лет. Он сказал мне, что провел тщательное исследование трудов всех отцов Церкви и первых христианских писателей, а также всего, что было написано в течение первых ста пятидесяти лет существования христианской Церкви. Книга Клаузнера об Иисусе была закончена в 1922 году. В 1929 году в Иерусалиме возникли волнения. И в это время материалы, собранные для книги о Павле, были украдены из дома профессора в Тальпите. Он сказал по этому поводу: "Только

тот, кто потерял своего ребенка, утратил радость и надежду многих лет, может понять мою боль". Когда в 1939 году он, наконец, закончил свою книгу *"От Иисуса к Павлу"*, оказалось, что он посвятил ей в общей сложности 32 года. Стоит отметить, что она содержит примерно 2300 ссылок, и даже финский профессор Антии Ф. Пуукко цитируется в ней девять раз.

Интерес иудеев к основам христианства наилучшим образом доказывается тем, насколько всесторонне они подходят к этому вопросу.

В 1930-х годах в нацистской Германии Госта Линдеског написал свою докторскую диссертацию под названием *"Об исследовании Иисуса в современном иудаизме"*.⁷ По его утверждению, стимулом к этому исследованию для него стала книга *"Является ли Иисус исторической личностью?"*, написанная главным раввином Стокгольма профессором Готлибом Клейном.⁸ Эта маленькая книжица послужила также решающим стимулом моей любви к Израилю. Весьма показательно, что в библиографическом списке, приведенном Линдескогом, указан **381 иудейский исследователь** и 119 христианских ученых, некоторые из них опубликовали от пяти до двадцати статей и книг, посвященных данной тематике. Они были посвящены раввинистической литературе, учениям Иисуса, а также вопросам, относящимся к благовестию Павла.

В иврите есть поговорка: *ha-mosif gor'a* (המוסיף גורע), то есть "тот, кто добавляет, — уменьшает". Слишком глубокое освещение подробностей уменьшает чистоту представления. Поэтому нет смысла упоминать обо всех дискуссиях, имеющих отношение к Павлу.

Мы не можем понять апостола Павла, зная только об академическом анализе иудаизма, выполненном этими специалистами. Самые важные ученые действительно являются крупными специалистами в этих областях. Однако

7. Gösta Lindeskog, "Die Jesusfrage im neuzeitlichen Judentum", Leipzig 1938.

8. Gottlieb Klein, "Ist Jesus eine historische Persönlichkeit?" Tübingen 1910.

иудаизм как религия не представляет "чистого доктринизма" или "ортодоксии". Скорее, он требует "практического" соблюдения Закона, или, если так можно выразиться, "ортопраксии". Точно так же в иудаизме не может быть никакой речи и о теологии. Скорее, его вероучение определяется мнениями различных раввинов, сравниваемыми друг с другом. И их дискуссии об истолковании Закона являются столь же резкими, как и отношение Павла к иудаистским группам в ранней Церкви.

Скандинавские религиозные исследования в значительной мере основаны на работах **Хьюго Одеберга**, весьма одаренного исследователя семитских языков, **Давида Хедегарда**, специалиста по иудейской молитвенной литературе, иудейских ученых **Готлиба Клейна** и **Маркуса Эхренпрейса**, а также Хьюго Валентина.⁹

Хьюго Одеберг отождествлял раввинистический иудаизм с фарисейством. **Вебер** породил все более углубляющийся разрыв между иудейским и христианским образами мышления. В частности, навязывалось мнение, что нормативный иудаизм является беспросветно "казуистическим" и что со своими шестьюстами тринадцатью заповедями и их истолкованиями он до мельчайших подробностей регламентирует жизнь отдельно взятого верующего. На практике такое и в самом деле нередко имеет место. И именно по этому поводу раввины дискутировали между собой. Иисус и Павел тоже порицали перекосы, имевшие место в те времена. Многие исследователи Талмуда придавали особое значение моральному расположению духа ["этике побуждения"], то есть тому, что на добрые дела должно побуждать благочестивое сердце. В антологии *Пирке Абот*, или изречениях отцов, содержится дискуссия о том, чего лучше искать человеку — благочестивого суждения, благочестивого компаньона, благочестивого соседа или способности видеть

9. См., например: Hugo Odeberg, "Kristinusko ja fariseusket", Jyväskylä 1984, и M. Ehrenpreis: "Talmud, Fariseism, Urkristendom", Stockholm 1933, и "Israels Nutid och Framtid: Valda Essayer av Samtida Judiska Tankare", Stockholm 1921, и Hugo Valentin, "Antisemitismen i Historisk och Kritisk Belysning", Stockholm 1935.

"причинные связи" (эт *ha*-нолад / את הנולד). Рабби Елеазар отвечает на этот вопрос так: "Благого сердца!" С другой стороны, о необходимости творить добро по отношению к ближнему своему сказано: "Бог милостив и помнит по добродетельности Своей всех, кто знает Его, и всех, кто не знает Его. Точно так же вы должны помнить друг о друге". И еще: "Если твой враг голоден — дай ему хлеба; если он жаждет — дай ему воды".¹⁰

Фарисеи избегали упоминания мени Божия и заменяли его либо словом "место", либо словом "небо". Такие выражения, как "слава небесная", "страх небесный", а также "царство небесное", всегда были ссылками на Бога. Так, верующих побуждали: "Пусть все ваши поступки будут совершаться ради небес" или "Не так важно, много или мало совершает человек, но важно, чтобы он направлял свои помыслы на небеса", то есть к Богу. В "Изречениях отцов" (Пирке абот / פרקי אבות) также говорится: "Не уподобляйтесь рабам, которые служат своим рабам для того, чтобы получить вознаграждение". Раввины истолковывают это как упоминание о Боге. Это значит, что наши дела всегда совершаются "из любви к Богу" (еврейским эквивалентом является слово "место"). И рабби бен Аззай говорит: "Награда за заповедь — это сама заповедь, и возмездие за грех — это грех."¹¹ Павел говорит в Римлянам 6:23 те же слова: "Ибо возмездие за грех — смерть, а дар Божий — жизнь вечная во Христе Иисусе, Господе нашем".

Эта "этика побуждения" иногда прекрасно проявляется в трудных для понимания истолкованиях Закона, приводимых в Талмуде: "Всякому, кто не совершает свои дела ради небес, да будет дано, чтобы он совершал их ради небес... и от всего сердца... Я был охраняем, и, однако, я был как будто беззащитен, я всего лишь, как прах... вот, пред Тобой я, как сосуд, полный позора и нечистот... тот, кто совершает много, и тот, кто совершает мало, находятся в одинаковом положении, когда это совершается пред небесами... и это относится даже к чужестранцу на базаре, так, чтобы он был возлюбленным наверху и

10. פרקי אבות ב': ט'; תנא דבי אליהו כ"ו; מדרש משלי כ"ו.

11. ספרא דברים י"א: י"ג; ברכות ה': ב'; פרקי אבות א': ג'; ד': ב'.

желанным внизу и почитался среди всех тварей". "Цель мудрости — покаяние и добрые дела... и если кто не совершает добрых дел ради небес, то лучше было бы для него, если бы он не был сотворен".¹²

Одеберг обращал основное внимание на учение раввинов о том, что человек обладает свободной волей. Павел же, напротив, подчеркивал, что человек извращен первородным грехом. Поэтому он не способен самостоятельно совершать ничего угодного Богу. Только духовное возрождение изменяет человеческий разум так, что он "обновляется духом ума своего" и "о духовном помышляет", но тогда он должен жить "со страхом и трепетом".¹³

Этот акцент на свободную волю, общепринятый среди раввинов, проявляется в иудейской молитвенной литературе, в Талмуде и в изречениях отцов. В этом контексте у нас есть основания упомянуть лишь несколько наиболее ясных высказываний. Пирке Абот (3:16) цитирует хорошо известные слова рабби Акибы: "Все предопределено. Людям была дана свободная воля, и великодушные Божие судит мир по превосходству дел (евр. лефи ров ха-маасэ / להפי רוב המעשה)".¹⁴ Раввины недвусмысленно говорят, что это — вопрос свободной воли и что главная тенденция человеческих деяний принимается во внимание на последнем суде. "Блаженны израильтяне, когда они практикуют Тору и исполняют добрые дела и когда их порочные побуждения находятся под их собственным контролем". "Блажен человек, который сдерживает свой порочный порыв как человек и любит Закон". "Не уподобляйтесь рабам, которые служат своему господину ради содержания". "Кто является могущественным человеком? Тот, кто подавляет свое порочное побуждение".¹⁵

Характер иудейской концепции человека, нашедший отражение в

12. ברכות י"ז: א'.

13. Рим. 12:2, Еф. 4:23, Рим. 8:5 и Флп. 2:12.

14. "פרקי אבות מפורשים" מאת אליעזר לוי, תל אביב 1956, עמ' 52–53; אבות ג': ט"ז.

15. עבודה זרה ה': ב'; י"ט: א'; פרקי אבות ד': א'.

См. также упоминания о порочном побуждении в молитвенной литературе в книге Р. Санталы "Мессия в Новом Завете" (стр. 197-198).

представлениях Павла, вероятно, наилучшим образом отражен в работах историка **Иосифа Флавия**. Иосиф сам пережил в своей жизни фарисейский и есеевский периоды. Поэтому, будучи специалистом в этой области, он анализирует существенные различия между главными религиозными группировками своего времени: "Итак, в те времена среди иудеев существовали три религиозные группировки, придерживавшиеся различных мнений относительно человеческих дел, — фарисеи, саддукеи и ессеи. Что касается фарисеев, они утверждают, что *отдельные деяния подвластны Судьбе, однако не все; другие деяния зависят от Судьбы, но не вызываются Судьбой*. Секта есеев, однако, провозглашает, что Судьба — госпожа всего и что *все происходящее предопределено*. Но саддукеи совершенно не считаются с Судьбой... все в наших силах, так что мы сами ответственны за свое благополучие и страдаем от неудач по собственной глупости".¹⁶

В либеральном богословии утверждается, что "учение о предопределении [то есть о том], что кто-то предопределен ко спасению, а кто-то другой — к осуждению, является хорошим примером полнейшего отделения" новозаветных представлений "от исходного контекста".¹⁷ Однако наши цитаты из утверждений раввинов и историка Иосифа Флавия показывают, что Новый Завет занят именно современными проблемами.

В Книге Деяний 2:23 говорится, что Иисус был распят "...по определенному совету и предведению Божию". И в Послании к Римлянам 8:29 Павел говорит, что Бог "предузнал" нас и "предопределил быть подобными образу Сына Своего". Подобным же образом, в Послании к Ефесянам 1:4-5 подчеркивается, что Бог "избрал нас в Нем прежде создания мира, чтобы мы были святы и непорочны", а также — что Он "предопределил усыновить нас Себе". В 1 Послании к Тимофею 2:4 к этому добавляется, что Бог "хочет, чтобы все люди спаслись и достигли познания истины". Петр также выражает согласие с этой позицией, когда говорит в своем 2-м

16. Josephus, "Antiquities".

17. Профессор Хейкки Рэйсэнен, *Kotimaa* № 13, 31.3.1994.

Послании 3:9, что Бог "долготерпит нас, не желая, чтобы кто погиб, но чтобы все пришли к покаянию". Эта ограниченная и положительная доктрина фарисейского движения о предопределении вырастает "из своего исходного контекста".

Иосиф также констатирует, что "фарисеи передали людям некоторые правила и традиции отцов, *которые не записаны в Законах Моисеевых*, и по этой причине они были отвергнуты саддукеями, которые полагают, что следует считать действующими только те правила, которые записаны в Писании, те же, которые происходят от традиций отцов, соблюдать нет нужды". В наши дни благочестивому иудею трудно допустить мысль о том, что так называемый "*тариаг*" (תרי"ג), или шестьсот тринадцать предписаний Закона, содержит заповеди, которые не были даны Моисеем, хотя раввины время от времени соглашались с тем, что некоторые из них исходят только от отцов, а не от Моисея.¹⁸

Иосиф сам был одним из фарисеев. И причина, как он сам говорит в другом контексте, может заключаться в том, что "фарисеи упрощают свой образ жизни, избегая растрат на роскошь. Они *следуют голосу разума* и делают то, что кажется хорошим. Они полагают, что они должны честно стремиться на практике к *рациональным решениям*. Хотя они оговариваются, что все происходящее по причине Судьбы все же не лишает людей свободы *поступать так, как им кажется наилучшим*".¹⁹

На этом основании неплохо познакомиться с *самой новой стадией в исследованиях о Павле*. Западный ученый мир — с немногими редкими исключениями — создал, главным образом, стереотипный и карикатурный образ иудаизма времен земного служения Иисуса, и эта ситуация была, наконец, изменена либеральным ученым **Е. П. Сандерсом**, который написал книги "*Павел и палестинский иудаизм*" и "*Павел, Закон и иудейский народ*". По его мнению, старая точка зрения ведет человека в тупик, потому что она допускает,

18. הלכות שבתות ו': א'-ב'.

19. Josephus, "Complete Works", Kregel Publ., стр. 274, 281, 376. "Antiquities" XIII; V, 9, XIII; X, 6; XVIII; I, 3.

будто раввины представляли систематическое богословие. Мнения раввинов, главным образом, определялись тем фактом, что они чувствовали себя детьми завета, все поведение которых определяется традиционными правилами отцов. Эти нормы должны были соблюдаться из чувства благодарности к Богу. Согласно Сандерсу, нормативные раввинистические источники не говорят, что спасение заслуживается добрыми делами. Бог проявляет милосердие к тем, кто раскаивается.

С другой стороны, верующий полагается на культ храма, на День искупления, иногда даже на страдания или смерть своего благочестивого рабби. Все это также может действовать как средства искупления. Сандерс *пытается создать метод, который сделал бы возможным сравнение религий* и включал бы в себя отдельные элементы, которые могут быть сопоставлены, например, с поддающимися сравнению мотивировками Павла.

Подход, предложенный Сандерсом, продвигает исследования к основаниям иудаизма. Исходя из этого метода, от Павла, иудея по происхождению, невозможно требовать только "павловского" образа мышления, укладывающегося в рамки определенного стереотипа, что нередко требуется в либеральных кругах. Что беспокоит в большинстве трудов Сандерса, а также в работах ученых его школы, так это тот факт, что логика Павла рассматривается как нечто капризное и непоследовательное или неустойчивое. Или же то, что его отношение к Торе признается "совершенно отрицательным". *С исходной позиции Сандерса, это допустимо для того, чтобы понять "иногда несистематический" образ мышления Павла.* Подобным же образом, более глубокое знание источников могло бы помочь понять павловский стиль, напоминающий стиль литературы мидрашей. Ученый сандерсовских убеждений мог бы посетовать, что Павлу "недостает даже разделения Закона на письменную и устную" Тору.

Однако в Послании к Ефесянам 2:14-15 предполагается, что Христос разрушил *"стоявшую посреди преграду"* (греч. *mesotikhon*) и упразднил (греч. *katargesas*, то есть сделал бес-

сильным, или аннулировал) "закон заповедей учением" — это предполагает знание как письменного, так и устного Закона, а также "ограды вокруг Закона", по-еврейски: *сэйяг ла-Тора* (סְיָיִג לַתּוֹרָה). Павлу не было нужды говорить языком академического богословия, потому что он адресовал свои слова "знающим Закон" (Рим. 7:1). Иудейское истолкование Торы — это внутреннее дело еврейского народа, и практически только те, кто ели манну небесную в пустыне, понимают ее ценность и значение.

Профессор **Давид Флюссер** из Иерусалимского Еврейского университета посетовал как-то, что религиозная дискуссия между христианами и иудеями имеет место главным образом между либеральными иудеями и либеральными же христианами и происходит на их условиях. Но ни те, ни другие не признают основ их собственной веры — чаще всего, они даже не знают их. Было бы лучше, если бы такой диалог происходил между убежденными иудеями и убежденными христианами.

Доктор **Пинчас Лапиде**, иудей, как-то заметил, что послания Павла формируют треть Нового Завета. И как бы мимоходом он упомянул весьма уместный афоризм: *"Иисус не был богословом, потому что Он был иудеем"*. Иисус дал библейские ответы на злободневные вопросы Своего времени. Именно это так же сделал и Павел, служа церквям. Однако *"вера Павла относилась к тем временам, когда Мессия уже пришел"*.²⁰

С такой ситуацией мы сталкиваемся каждый раз, когда хотим исследовать жизнедеятельность Павла как человека и учителя. *Не следует проецировать идеи, выраженные в иудейской литературе, прямо на Павла и после этого жаловаться, что он поступает и мыслит отлично от других иудейских ученых мужей. Все идеи Павла принимались в свете того, что пришествие Мессии уже состоялось. И теперь стоит вопрос о том, как рассматривать роль Мессии в рамках библейского и иудейского образа мышления. В двух моих предыдущих книгах*

20. P. Lapide и Peter Stuhlmacher, "Paul, Rabbi and Apostle", Minn. 1984, стр. 52-53.

о Мессии²¹ я избрал в качестве метода исследования "топическую" позицию, основанную на раввинистической литературе. В этих книгах я описал различия между иудейским и греческим образом мышления и стилями литературы мидрашей. Проблема всегда заключается в том, что исследователю следует понимать семитский стиль Библии, при этом помня о ее специфической иудейской сущности. Аристотель создал так называемую "топику" (греч. *topos*, место), согласно которой в риторике, этике и т.п. областях *предпринималась попытка* при столкновении с юридическими проблемами найти *"фарватер"* происходящих явлений. Позже этот метод был развит итальянским философом Джовани Батиста Вико.

Люди, равно как и богословие, имеют собственные законы. Ученый должен найти *"место"*, или *"topos"*, каждого явления в сознании человека. Если бы на эту соотнесенность с Законом обращали внимание почаще, то мы лучше прислушивались бы к тому, в чем, собственно, заключается суть того или иного явления, и не искажали насильственным образом того, что намеревался донести до нас следуемый нами человек.

— * —

21. "Мессия в Ветхом Завете в свете раввинистических Писаний" и "Мессия в Новом Завете в свете раввинистических Писаний". — См.: "Мессия в Ветхом Завете" [русский перевод 2004], стр. 20-31. Эти две книги в оригинале были написаны мной на иврите.